

На правах рукописи

Чигрин Максим Валерьевич

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ
СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ
в 1918 – 1922 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Саранск 2021

Работа выполнена на кафедре истории федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова»

- Научный руководитель: доктор исторических наук профессор
Мухамедов Рашит Алимович
- Официальные оппоненты: доктор исторических наук доцент
Семенов Александр Альбертович,
заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Армавирского механико-технологического
института (филиала) федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего
образования «Кубанский государственный
технологический университет» (*г. Армавир*)
- кандидат исторических наук доцент
Хакимов Салават Хазибович,
доцент кафедры истории и теории государства и
права федерального государственного казенного
образовательного учреждения высшего образования
«Уфимский юридический институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации» (*г. Уфа*)
- Ведущая организация: *Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Марийский государственный университет»
(г. Йошкар-Ола)*

Защита состоится 29 апреля 2021 года в 10⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 999.033.04, созданного на базе ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», МГПУ, НИИГН и ФГБОУ ВО «УлГПУ им. И. Н. Ульянова» по адресу: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68 (корп. № 1), зал заседаний диссертационных советов (ауд. 706).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени М. М. Бахтина ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» по адресу: Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68 и на сайте университета по адресу:
https://www.mrsu.ru/ru/diss/diss.php?ELEMENT_ID=76986.

Автореферат разослан «___» марта 2021 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук профессор

Э. Д. Богатырёв

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования заключается в том, что с объективной точки зрения, анализируется процесс становления правоохранительных органов в новой версии в российских регионах. Интерес исследователя был вызван тем, что эти процессы происходили в сложнейших условиях социально-экономических и политических конфликтах, сопровождавших становление новой советской государственности. Руководство страны и регионов было вынуждено действовать в условиях враждебного внешнего окружения, надеяться только на собственные силы. Положение дел осложнялось тем, что у вновь пришедших к власти политических сил была слабая социальная поддержка, приходилось путем применения деструктивных мер подавления, бороться с мощными оппозиционными силами. Этот исторический опыт является положительным в связи с тем, что руководству страны удалось выполнить все поставленные цели и задачи.

Исследовательский интерес автора вызван тем, что в ранее выполненных исследованиях недостаточно были отражены, особенно в региональном контексте, такие аспекты, как противодействие военному и трудовому дезертирству, антирелигиозная деятельность, участие в реквизиционных кампаниях частной собственности как в городе, так и в деревне. Мы постарались уделить особое внимание таким малоисследованным проблемам, как кадровая политика внутри правоохранительных органов, работе всевозможных чрезвычайных комиссий, а также взаимодействие с вновь создаваемой судебной системой Советского государства, что придает нашему исследованию широкий общественный резонанс.

Объект исследования – чрезвычайные правоохранительные органы советского государства. **Предметом исследования** является процесс становления и деятельности чрезвычайных органов Симбирской губернии в 1918–1922 гг., выполнявших правоохранительные функции, а именно: ревкомов, ревтрибуналов, органов ВЧК и комиссий, направленных на борьбу с дезертирством, спекуляции, должностных преступлений, а также против оппозиционной деятельности.

Хронологические рамки диссертационного исследования охватывают период с 1918 по 1922 гг. Нижняя грань связана с началом формирования чрезвычайных органов в Симбирской губернии. Верхняя грань определяется реализацией постановления ВЦИК, ликвидировавший систему ревтрибуналов¹. В отдельных случаях автор выходит за данные хронологические рамки для лучшей реконструкции исследуемой проблемы.

¹ См.: Положения о судеустройстве РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

Территориальные рамки работы ограничены Симбирской губернией, которая по своей экономической сути являлась хорошо развитым аграрным регионом Среднего Поволжья и поставщиком зерна как для центра, так и для Красной Армии. В этом регионе, находившимся в прифронтовой полосе, постоянно происходили военные и политические процессы, из-за чего осуществление большевиками политики военного коммунизма не представлялось возможным без деятельности чрезвычайных органов.

Степень изученности проблемы. История становления и деятельности революционных трибуналов и структур ВЧК в историографическом обзоре рассмотрена в едином ключе. В историографии проблемы выделяются два условных периода: советский (1917–1991 гг.) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время). В свою очередь, каждый из периодов подразделяется на ряд этапов. Так, советский период включает в себя следующие этапы: 1) 1917–1922 гг.; 2) 1923–1955 гг.; 3) 1956–1985 гг.; 4) 1985–1991 гг. К постсоветскому относятся: 1) 1991–2000 гг.; 2) начало 2000-х – настоящее время.

На первом этапе советского историографического периода – партийно-демократическом (1917–1922 гг.) исследователи анализировали теоретические и практические моменты действий ревтрибуналов². Для работ характерно рассмотрение проблематики с различных позиций: одни исследователи считали, что в ревтрибуналах судебный процесс проходит с недопустимыми нарушениями, а другие – оправдывали «беззаконие» революционной обстановкой³. К началу разработанности проблематики ВЧК привели вышедшие директивы руководящих деятелей страны Советов⁴. В трудах исследователей акцент был смещен на становление и функционирование структур ВЧК⁵.

Таким образом, данный этап характеризовался относительной свободой выражения мнений внутри РКП (б) и наличием внесистемной оппозиции (правые, левые эсеры, меньшевики). Авторы уделяли внимание систематизации правовой базы чрезвычайных органов, ограничиваясь необходимостью процесса их формирования и деятельности.

² См.: *Крыленко Н. В.* Революционные трибуналы // Вестник жизни. 1918. № 1. С. 81–87; *Эстрин Л.* Единая судебная система и марксистская теория права // Там же. 1922. № 29–30. С. 4–6; *Покровский М. Н.* Контрреволюция за 4 года. М., 1922 и др.

³ См.: *Стогин П.* Народный суд в вопросах и ответах. М., 1918; *Саврасов Л. М.* К вопросу о наказании // Пролетарская революция и право. 1919. № 2–4. С. 74–82 и др.

⁴ См.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 35. С. 156; *Зиновьев Г. Е.* О мятеже левых эсеров. Пг., 1918; *Троцкий Л. Д.* На фронтах: доклад прочитан в Москве 24-го февраля 1919 г. М., 1919; *Лацис М. (Судрабс Я.)* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией // Известия Всеукраинского ЦИК, 1919 и др.

⁵ См.: *Мороз Г.* ВЧК и Октябрьская революция // Власть Советов. 1919. № 11. С. 4–6; *Петерс Я. Х.* Борьба с контрреволюцией // Известия ВЦИК. 1918. 6 ноября; *Малицкий А.* Чека и ГПУ. Харьков, 1923 и др.

На втором этапе советского периода историографии – авторитарном (1923–1955 гг.) в работах исследователей произошло изменение тональности – сократился творческий подход, появилось преобладание описательного способа подачи информации, а также практика внесения в тексты цитат И. В. Сталина⁶. Имеющиеся перегибы в работе судебных органов объяснялись исключительно неграмотным руководством левых эсеров Наркоматом юстиции⁷. В исследовании структур ВЧК опубликованные работы не являлись в достаточной степени объективными из-за государственного запрета поднимать пласт архивных материалов, поэтому историки были вынуждены довольствоваться материалами периодической печати и статистическими изданиями⁸. В то же время впервые появились труды, предназначенные для специалистов органов безопасности, раскрывающие специфику их профессии⁹.

Таким образом, на авторитарном этапе советского периода историографии работам по проблематике были присущи иллюстративность, низкий научный уровень и идеологизированность.

На третьем этапе советского периода (1956–1985 гг.), интерес исследователей к истории чрезвычайных органов существенно возрос после XX съезда КПСС, где был разоблачен «культ личности» И. В. Сталина и расширен доступ к архивным материалам¹⁰. Впервые появляются работы по локальной истории, а также обобщающего характера¹¹. Совершенно новым в науке стал взгляд на проблему советского права в труде В. П. Славина и М. М. Портнова, утверждавших, что «... революционное с классовым оттенком право, освобождалось от

⁶ См.: *Софинов П. Г.* Сталин и Дзержинский на Восточном фронте. Киров, 1940; *Зейдин Е. Л.* Двадцать пять лет военных трибуналов // Ученые записки ВИЮН. М., 1945. Вып. 4. С. 7–12; *Кожевников М. В.* История советского суда. М., 1948; *Карев Д. С.* Советское судоустройство. М., 1951 и др.

⁷ См.: *Винокуров А.* Октябрьской революции и социалистический суд // Советская юстиция. 1937. № 21. С. 11–13; *Крыленко Н. В.* Октябрь и суд // Советская юстиция. 1937. № 21. С. 5–10; *Шурвиндт Е.* Революционные трибуналы // Там же. С. 38–44.

⁸ См.: *Климов М. Е.* Борьба с контрреволюцией на экономическом фронте (эпоха НЭПа). М., 1928; *Софинов П. Г.* Карающая рука советского народа. К 25-летию ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1917–1942. М., 1942 и др.

⁹ См.: *Мосолов Ф. И.* Курс лекций по истории ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ. М., 1949; *Петрихин А. И.* История ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ. Введение. М., 1952 и др.

¹⁰ См.: *Голинков Д. Л.* Дело о монархическом заговоре Владимира Пуришкевича // Советская юстиция. 1965. № 20. С. 22–23; *Финн Э. А.* Антисоветская печать на скамьях подсудимых // Советское государство и право. 1967. № 2. С. 70–75; *Курицын В. М.* Следствие и судебный процесс по делу о мятеже «левых» эсеров // Советское государство и право. 1968. № 8. С. 144–147 и др.

¹¹ См.: *Емельянова И. А.* Революционное правотворчество народных масс в период от февраля к октябрю 1917 г. (по материалам Поволжья и Приуралья): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1967; *Каменский Ф.* Первый трибунал в Петрограде // Социалистическая законность. 1967. № 24. С. 20–23; *Мирошниченко И. Я.* Возникновение и развитие революционных военных трибуналов (1918–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1968 и др.

формализма и по сути являлось противоположным буржуазному»¹². В изучении ВЧК начался анализ их деятельности и кадровой политики¹³. Появились две различные точки зрения на эволюцию спецслужб. Часть исследователей считала, что ВЧК была сформирована лишь на период противодействия контрреволюции¹⁴, а другая — на длительный срок и подразумевала дальнейшую эволюцию¹⁵.

Таким образом, исследователи внесли весомую лепту в развитие изучения деятельности чрезвычайных органов, но из-за воздействия идеологического давления, историография не вышла за рамки традиционной советской концепции.

Четвертый этап советского периода (1985–1991 гг.) отличается качественно новым подходом к изучению истории чрезвычайных органов и включением в предмет научного поиска ранее недоступных аспектов рассматриваемой проблемы, таких как правовое положение и террор. В истории изучения ревтрибуналов, историки и праведы предприняли попытку сформировать целостную концепцию работы центральных и региональных судебных структур¹⁶. В изучении органов ВЧК впервые исследователи рассматривали эту структуру в контексте «антиправового карательного института»¹⁷. Отмечался выход публикаций о деятеле ВЧК Ф. Э. Дзержинском, где освещалась его роль в разработке и реализации оборонительных мер Советского государства против контрреволюционеров¹⁸. Увеличилось число диссертационных работ по региональной тематике¹⁹. Наряду с гражданскими историками, продолжили работу с проблематикой ВЧК и сотрудники КГБ-МВД, сконцентрировав усилия на защите чести мундира и стремивших в работах представить чрезвычайные органы «исключительно защитниками советского режима, а не карательным инструментом»²⁰.

¹² См.: *Портнов В. П., Славин М. М.* Правовые основы строительства Красной Армии 1918–1920 гг.: историко-юридическое исследование. М., 1985. С. 19.

¹³ См.: *Венедиктов В. Н.* Очерки по истории особых отделов ВЧК–ОГПУ (1918–1925 гг.). М., 1960 и др.

¹⁴ См.: *Софинов П. Г.* Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917–1922 гг.). М., 1960; *Хохлюк Г. С.* Рождение революции и борьба против контрреволюции: очерк теории. Хабаровск, 1978.

¹⁵ См.: *Велидов А. С.* На страже завоеваний Октября // История СССР. 1970. № 1. С. 3–26.

¹⁶ См.: *Титов Ю. П.* Система советских революционных трибуналов в первые годы нэпа // Вопросы истории органов борьбы с преступностью. М., 1987; *Портнов В. П., Славин М. М.* Становление правосудия в Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990 и др.

¹⁷ См.: *Литвин А. Л.* «Дело сдать в архив». Казань, 1986; *Портнов В. П.* ВЧК 1917–1922. М., 1987; *Викторов Б. А.* ВЧК–ОГПУ. Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 155–163 и др.

¹⁸ См.: Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М., 1986 и др.

¹⁹ См.: *Самойлов А. Д.* На страже завоеваний Октября. Крах контрреволюции на Дальнем Востоке. М., 1986 и др.

²⁰ См.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. Кн. 2. М., 1986; *Велидов А.* Домыслы и факты о деятельности ВЧК // Военно-исторический журнал 1990. № 4. С. 85–95 и др.

Таким образом, в советский период были предприняты шаги в направлении переосмысления правового положения чрезвычайных органов в советском государстве, критического анализа их деятельности, а также поиска новых инновационных подходов лишь во второй половине 1980-х гг.

На первом этапе постсоветского периода историографии (1991–2000 гг.) характерно резкое увеличение внимания к проблемам становления чрезвычайных органов советского государства, причем в исследованиях превалировала обвинительная тональность. В историографии ревтрибуналов исследователи, пересмотрев подход к понятию «революционная законность», оценивали ревтрибуналы как элемент карательной машины, функционировавшей в соответствии с распоряжениями партии²¹. Отмечается выход работ, в которых интерес исследователей был сосредоточен на проведении сравнительного анализа репрессий страны Советов и белогвардейского государства²². В трудах исследователей Среднего Поволжья проблема упоминается лишь косвенно²³.

В Российской Федерации в исследовании истории органов ВЧК рассматривалась кадровая политика, ключевые аспекты деятельности и т. д.²⁴ А. Л. Литвин считал, что РСФСР признала формирование государства, где террор являл собой неотъемлемый элемент сохранения власти. В это время увеличивается количество диссертационных работ по локальной истории органов ВЧК²⁵. Значительный вклад в проработку проблематики внесли проводимые ежегодно научные конференции «Исторические чтения на Лубянке», где исследователи подходили с позиции исключительной важности работы спецслужб²⁶.

Таким образом, на первом этапе постсоветского периода историографии были систематизированы процессуальные формы формирования и деятельности

²¹ См.: *Исаев И. А.* Революционная психология и революционная законность (опыт 1917 г.) // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996; *Кудрявцев В. Н.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000 и др.

²² См.: *Иванова Г. М.* Репрессивная система и карательная политика государства // Власть и общество в СССР: политика репрессий (20 – 40-ые гг.). М., 1999; *Зиновьева В. М.* Судебные органы и правовая практика в районах белого движения на Юге России: декабрь 1917 г. – ноябрь 1920 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005 и др.

²³ См.: *Абрамов В. К.* Крестьянские восстания на территории Мордовии за годы Советской власти // Становление государственности Мордовии. Саранск, 2000. С. 83–90 и др.

²⁴ См.: *Литвин А. Л.* «На каждого интеллигента должно быть дело». Как ВЧК переделявали в ГПУ и что из этого вышло // Родина. 1995. № 6. С. 31–34; Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999.

²⁵ См.: *Кубасов А. Л.* Чрезвычайные комиссии европейского Севера России. 1918–1922: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994; *Петров М. Н.* Формирование и деятельность органов ВЧК – ОГПУ (1917 – середина 1920-х гг.): на материалах Северо-Запада России: дис. ... д-ра ист. наук. Новгород, 1995 и др.

²⁶ См.: *Леонов С. В.* Создание ВЧК: новый взгляд // Исторические чтения на Лубянке. 1998 г. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX – 1922 г. М., 1999. С. 69–74; *Петров М. Н.* Документы местных архивов как источник изучения истории ВЧК // Там же. С. 92–100 и др.

чрезвычайных органов, но в своих работах исследователи были склонны к гиперболизации и драматизации последствий их карательной деятельности.

На втором этапе постсоветского периода историографии (начало 2000-х гг. – настоящее время) в исследовании проблемы чрезвычайных органов в академической среде обвинительная тональность сменилась на объективный научный анализ. В исследовании ревтрибуналов были рассмотрены их правовые основы, тенденции деятельности, принцип приема на работу, а также механизм взаимоотношения с РКП (б)²⁷. В региональных исследованиях был рассмотрен процесс становления ревтрибуналов и их деятельность на местах²⁸. В изучении истории ВЧК исследователи рассматривали ключевые аспекты деятельности чрезвычайных органов РСФСР и реакцию граждан, их место в системе структур власти и управления, а также особенности кадрового подбора в контексте становления авторитарной административно-политической системы²⁹.

Таким образом, постсоветский период изучения чрезвычайных органов показал, что подход к проблеме, существовавший во времена СССР несовершенен, и утратил актуальность, уступив место более объективному. В вышедших научных трудах авторы обосновали, что на политической арене действовали несколько сторон, преследовавших свои задачи, причем большевики были сосредоточены лишь на одной – сохранении революционных достижений.

Зарубежные историки анализировали политические, административные аспекты чрезвычайных органов, фокусируя внимание на описание карательного механизма³⁰. В работах русских эмигрантов рассматривалась преимущественно репрессивная политика страны Советов³¹.

²⁷ См.: *Шановалов И. А.* Формирование правосознания в Советской России в 1917–1920-х гг.: уголовно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; *Павлов Д. Б.* Трибунальный этап советской судебной системы 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 3–16; *Татищев Д. В.* Трансформация органов судебной власти в советский период // Обозреватель. 2008. № 3. С. 48–56 и др.

²⁸ См.: *Абрамов В. В.* Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918–1922 гг.) (по материалам Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2004; *Надькин Т. Д., Шишулина Ш. П.* Организационно-правовые формы участия населения Мордовии в охране общественного порядка в 1920 – 1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6 (12). Ч. 3. С. 131–134 и др.

²⁹ См.: *Рыжиков А. В.* Деятельность губернских чрезвычайных комиссий Верхней Волги в 1918–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Мистрюгов П. А.* Местные чрезвычайные структуры советской власти в 1918–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2015 и др.

³⁰ См.: *Moore V.* Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship. Cambridge, 1954; *Gerson L.* The Secret Police In Lenin's Russia. Philadelphia, 1976; *Верт Н.* История Советского государства. 1900–1991. История советского государства. 1900–1991: пер. с фр. М., 1992 и др.

³¹ См.: *Солженицын А. И.* «Архипелаг ГУЛАГ»: в 3 т. Т. 1. Париж, 1973; *Мельгунов С. П.* «Красный террор» в России. 1918–1923. М., 1990; *Авторханов А. Г.* Империя Кремля. М., 2007.

История развития чрезвычайных органов в Симбирской губернии практически не нашла отражения в советский период в исследовательских работах³². В постсоветский период внимания заслуживают немногочисленные труды, освещающие основные вехи революции или гражданской конфронтации, а также работы, косвенно посвященные проблематике³³. В них исследователи стремились следовать принципу объективности, избегая оценки деятельности чрезвычайных органов исключительно в негативном ключе.

Таким образом, несмотря на обширность имеющейся литературы, обращает на себя внимание недостаточная разработанность проблемы на региональном уровне. Данная диссертация призвана восполнить существующие пробелы.

Цель исследования – комплексный анализ деятельности чрезвычайных органов Симбирской губернии, установление их положения и значимости в политико-правовой системе РСФСР в 1918–1922 гг.

Задачи исследования:

– проанализировать формирование и последующее трансформирование чрезвычайных органов Симбирской губернии, обнаружить уникальные для региона особенности данного процесса;

– изучить специфику кадрового состава чрезвычайных органов Симбирской губернии: выявление потенциальных сотрудников, овладение ими профессиональными навыками, качество материального снабжения, отметить позитивные и отрицательные факторы;

– раскрыть ключевые методы работы чрезвычайных органов, направленные на исполнение мобилизационной компании;

– провести анализ работы чрезвычайных органов по осуществлению фискально-реквизиционной миссии;

– исследовать методы подавления крестьянских и антисоветских восстаний или выступлений;

– рассмотреть правоохранные функции чрезвычайных структур и меры судебного и административного наказаний;

– выявить механизмы ослабления влияния РПЦ чрезвычайными органами в регионе.

³² См.: *Блохинцев А. Н.* Именем ревтрибунала... // Комиссары огненных лет: борцы за власть Советов на родине В. И. Ленина. Ульяновск, 1977. С. 108–112; *Его же.* Председатель ЧК // Там же. Ульяновск, 1977. С. 8–12 и др.

³³ См.: *Чуканов И. А.* Социально-экономическая политика местных органов власти Среднего Поволжья (ноябрь 1917 – март 1921 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1997; *Кузнецов В. Н.* Чапанное восстание (март 1919) // Календарь знаменательных дат. Ульяновская область. Ульяновск, 2008. С. 145–150; *Точеный Д. С.* Преступность в Симбирской губернии в 1917–1918 гг. // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Ульяновск, 2000. Вып. 3 (13). С. 85–90.

Источниковую базу диссертации составил широкий круг разноплановых источников, их можно подразделить на 6 категорий.

В состав *первой категории* входят законодательные и прочие нормативно-правовые документы³⁴. Сведения о формах организации и деятельности, правах и полномочиях чрезвычайных правоохранительных органов, особенностей формирования кадрового состава, финансирования, материального обеспечения сотрудников были получены из документов, извлеченных из фондов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) и Российского государственного военного архива (РГВА). В ГАНИ УО были проработаны фонды Ульяновского губернского комитета ВКП (б) (ф. 1), Ульяновского уездного комитета ВКП (б) (ф. 7); в ГАУО – Исполнительного комитета Ульяновского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-200), и др.; в РГВА – Революционного военного трибунала Восточного фронта (ф. 24388) и др. В работе для проведения сравнительного анализа процесса формирования чрезвычайных структур были применены материалы из Центрального государственного архива Самарской области (ф. Р-55, Р-81, Р-1000); Национального архива Республики Татарстан (ф. Р-526); Государственного архива Саратовской области (ф. Р-507); Государственного архива Пензенской области (ф. Р-473, Р-1608, Р-2840); Центрального государственного архива Республики Мордовия (ф. Р-1201). В целом, анализ материалов данной категории дает представление о принципах организации и правовом статусе чрезвычайных правоохранительных органов.

Ко *второй категории* относится делопроизводственная документация, извлеченная из фондов центральных и местных архивов. Ключевой значимостью обладали делопроизводственные документы Симбирских чрезвычайных органов, хранящиеся в фондах: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) – Министерства юстиции РСФСР (ф. А353), СНК РСФСР (ф. Р130), НКВД РСФСР (ф. Р393), ВЦИК (ф. Р1235); ГАУО – Исполнительного комитета Ульяновского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-200), Симбирской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ф. Р-1048), и др.; РГВА – Управления Армиями Восточного фронта (ф. 106), Особых отделов ВЧК–ОГПУ при РВС объединений и соединений (ф. 32015) и др.; Государственного архива Нижегородской области (ГАО) – Революционного комитета Курмышского

³⁴ См.: Декрет СНК «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 471; Декрет СНК о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. // Собрание Постановлений Правительства. 1917–1918. № 4. С. 136–140; Декреты Советской власти: в 18 т. Т. IV. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М., 1968 и др.

уезда (ф. Р-2345) и др. В них представлены сведения о спецоперациях и политическом настроении в губернии. Полезная информация о формах партийного контроля над Симбирской ГубЧК, кадровом пополнении и взаимодействии чрезвычайных органов с другими структурами власти содержалась в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) – Секретариата В. И. Ленина (ф. 5), ЦК КПСС (ф. 17); ГАНИ УО – Ячейки ВКП(б) Суда и Прокуратуры (ф. 48), Ячейки РКП(б) Симбирской губернской чрезвычайной комиссии (ф. 69) и др. В совокупности исследование данных материалов позволяет рассмотреть направления деятельности чрезвычайных органов, раскрыть роль партийного контроля и выявить особенности кадрового пополнения.

К третьей категории источников относятся статистические материалы, хранящиеся в фондах ГАУО: Симбирского губернского революционного трибунала (ф. Р-125) и Отдела юстиции Исполнительного комитета Симбирского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р-180). В них представлена информация о количестве рассмотренных дел ревтрибуналами. С помощью этих данных была воссоздана динамика рассмотренных ревтрибуналом категорий дел и практика вынесения им итоговых вердиктов.

Четвертая категория – публикации деятелей советского государства В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого и Ф. Э. Дзержинского³⁵, где представлена информация о процессе формирования большевистской концепции системы чрезвычайных органов и общем политическом курсе. Материалы данной категории дают возможность изучить взгляды советских деятелей на устройство чрезвычайных органов, основные аспекты их работы, а также сформировать психологический портрет сотрудника данных структур.

Пятая категория источников представлена материалами периодической печати – газетами «Пролетарский путь», Красная коммуна», «Беднота», «Заря», «Знамя революции», «Известия ВЦИК» и «Возрождение». Сведения, содержащиеся в прессе, дали возможность получить представление о преобразованиях в судебной системе и о событиях, происходивших как в стране Советов, так и конкретно в Симбирской губернии.

К шестой категории относятся эго-документы. К опубликованным материалам относится мемуарная литература о деятельности чрезвычайных органов, состоящая из воспоминаний сотрудников данных структур, русских эмигрантов и иностранцев³⁶. Исследованы неопубликованные источники, среди которых

³⁵ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 34. М., 1969. Троцкий Л. Д. Историческое подготвление Октября. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М., 1924; Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. 1897–1923. М., 1977.

³⁶ См.: Дзержинский в ВЧК. М., 1967; Локкарт Р. Б. История изнутри. Мемуары британского агента. М., 1991; Терне А. В царстве Ленина. Очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922 и др.

присутствуют воспоминания сотрудников чрезвычайных органов и участников событий, которые представлены в ГАНИ УО (ф. 57, 57 а). В них содержится информация о принципах работы чрезвычайных органов, а также антисоветских мятежах и их подавлении. Применение этих материалов позволило сформировать облик сотрудника чрезвычайных структур в период острого гражданского противостояния.

Таким образом, была сформирована репрезентативная источниковая база, позволяющая в полной мере достичь поставленной цели и решить исследовательские задачи.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые на основании введения в научный оборот большого количества ранее не доступных архивных материалов, был осуществлен комплексный анализ деятельности чрезвычайных правоохранительных органов Симбирской губернии: ревкомов, различных чрезвычайных комиссий, создаваемых при участии ВЧК, направленной на борьбу с оппозиционной деятельностью, трудовым и военным дезертирством, незаконным предпринимательством, выступлениями крестьян, экспроприацию имущества свергнутых «эксплуататорских» классов, сдерживание антигосударственной религиозной деятельности.

Научная новизна исследования заключается также в том, что нами были выявлены региональные особенности деятельности чрезвычайных правоохранительных органов, включающие распространение полномочий революционных военных трибуналов по подавлению оппозиции на население прифронтовой полосы. Другой особенностью было активное участие чрезвычайных органов правопорядка в изъятии частной и кооперативной собственности не только в населенных пунктах, но и на железнодорожных станциях, пристанях, подавлении многочисленных крестьянских выступлений.

В ходе исследования вычленены особенности взаимодействия чрезвычайных органов правопорядка с революционными трибуналами, местными органами власти, командованием воинских частей Восточного фронта.

Специальность, которой соответствует диссертация. Публикации и диссертация по содержанию, объекту, предмету и методам исследования соответствуют Паспорту специальностей ВАК при Минобрнауки России по специальности 07.00.02 – Отечественная история, пунктам: 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; 6. История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития; 11. Социальная политика государства и ее реализация в соответствующий период развития страны; 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий; 16. История российских революций.

Методологической основой исследования стал комплекс общенаучных, специальных исторических, а также междисциплинарных принципов и методов научного познания. Из специально-исторических: описательно-повествовательный метод позволил определить ключевые рубежи развития чрезвычайных органов, а также подразделить репрессивную политику страны Советов на малые аспекты, историко-системный метод – осуществить многогранный анализ чрезвычайных органов, а также дать характеристику оказываемому ими воздействию на социальную обстановку в губернии. Методы статистического анализа предоставили возможность систематизировать категории преступлений, совершенных гражданами, выносимые чрезвычайным органом правосудия приговоры, а также установить происхождение обвиняемых и их место трудовой деятельности. При проведении настоящего исследования использовались и принципы историзма, объективности и системности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Столкнувшись с массовым вооруженным и скрытым сопротивлением значительной части населения, местные органы власти были вынуждены на первых порах сделать своей главной политической, социально-экономической опорой оперативно создаваемые чрезвычайные органы подавления и поддержания правопорядка.

2. Чрезвычайные органы в 1918–1923 гг. стали незаменимым элементом молодого государства, сконцентрированном на выполнении разноплановых задач. Статус данных структур постоянно укреплялся, а поле деятельности расширялось. Во всех административных единицах губернии были сформированы революционные трибуналы, дезертиркомиссии и органы ВЧК, а в период крестьянских мятежей образовались на кратковременный срок и ревкомы.

3. Процесс кадровой политики чрезвычайных органов Симбирской губернии имел свои уникальные для региона особенности, зависящие от социально-политического положения: недостаток имевших образование и соответствующие навыки в правовой сфере работников; существование трудностей с приемом новых граждан на службу, в виду получивших в социуме распространения слухов об ужасном уровне материально-вещественного обеспечения, отсутствия у сотрудников элементарных морально-этических установок. Именно партийность постепенно становится обязательным условием для сотрудника чрезвычайного органа.

4. Органы ВЧК применяли преимущественно карательные способы воздействия, направленные на устранение организаций контрреволюционной направленности, а также имевшие влияние среди граждан последователей КОМУЧа. Карательные способы воздействия использовались сотрудниками чрезвычайных органов и в период ликвидации мятежей сельских граждан – лидеров мятежей.

5. С целью исполнения мобилизационной компании, чрезвычайные органы организовывали «спецоперации по искоренению дезертирства», которые

включали пропагандистские, судебные, экспроприационные способы воздействия на дезертировавших граждан и их пособников. В Симбирской губернии чрезвычайные органы в 1918 – декабре 1922 гг. выполняли задачу по нивелированию влияния служителей РПЦ на граждан. В дальнейшем, правонарушения служителей церкви рассматривались чрезвычайным органом правосудия, а итоговый вердикт носил сравнительно мягкий характер. К декабрю 1922 г. сотрудниками ГПУ был инициирован раскол Симбирской епархии РПЦ.

6. Чрезвычайные органы с целью осуществления фискально-реквизиционной миссии были сконцентрированы на выполнении задач: по противодействию несоблюдения гражданами налоговой политики и правонарушений в экономической сфере. В губернии данные функции осуществлялись структурами ВЧК, применяющими преимущественно арсенал карательных методов: заложничество, конфискация, внесудебные репрессии. Рассмотрение дел ревтрибуналом проходило в ускоренном режиме, также часто формировались в административных единицах губернии выездные сессии. По итогам заседаний выносились преимущественно жесткие вердикты, среди которых наиболее часто было тюремное заключение с применением принудительных работ.

7. Деятельность чрезвычайных органов вызывала у социума недовольство, которое из скрытой формы выливалось в явный протест. Формы протестов у каждой категории граждан были различны: у бюрократов – должностные правонарушения; у пролетариев – стачки; у сельских граждан – локальные мятежи с целью формирования «Советов без РКП (б)», в армейской среде – дезертирство. Сформированные совхозы и колхозы вызывали у граждан отторжение, налоговая политика – гнев, а разразившийся голод толкал на совершение преступных деяний. Данные критерии послужили причиной осуществления чрезвычайными органами карательных мероприятий, цель которых – ликвидация контрреволюционных элементов и снижение уровня гражданского протеста.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что полученные материалы могут использоваться в научно-исследовательской и учебно-педагогической работе, при написании трудов по истории Симбирской губернии, органов государственной безопасности и судебной системы, а также при подготовке лекционных курсов и семинаров.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах на международных конференциях, а также отражены в 22 публикациях, в том числе в 2 статьях в журналах, индексируемых в Web of Science и 3 статьях в журналах, входящих в список рекомендованных изданий ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, проанализирована степень ее изученности, определены объект и предмет, территориальные и хронологические рамки диссертации, поставлены цель и задачи работы, дана характеристика источниковой базы, перечислены использованные методы, раскрыты научная новизна, сформулированы выносимые на защиту положения, определена практическая значимость исследования и приведены сведения об апробации его результатов.

В первой главе **«Становление системы чрезвычайных правоохранительных органов Симбирской губернии»** анализируются основополагающие аспекты состояния системы чрезвычайных правоохранительных органов региона.

В первом параграфе **«Создание местных подразделений ВЧК»** установлены реалии формирования структур ВЧК, проанализированы изменения их прав и полномочий, продемонстрирован процесс осуществления реорганизаций.

Формирование структур ВЧК было вызвано необходимостью обеспечить безопасность режима власти и поддержать правопорядок. Летом – осенью 1918 г. работу Симбирской ГубЧК контролировала Восточнофронтная ЧК. Структура ГубЧК состояла из нескольких отделов, наделенных правами и полномочиями по осуществлению рассмотрения дел и применения внесудебных мер.

Структуры ВЧК постоянно подвергались преобразованиям, способствующим повышению эффективности деятельности. В июле 1919 – апреле 1920 гг. осуществлялось реформирование оперативного отдела, в ходе которого были устранены нарушения в области проведения обысков и арестов и улучшены принципы кадрового набора. На заключительной стадии реформирования чрезвычайных структур, проходившей с марта 1920 по февраль 1922 гг., был повышен уровень взаимодействия между органами ВЧК и народной милицией в сфере информационного взаимодействия, противостояния бандитизму и экономическим правонарушениям. Непосредственно в это время была организована информационная тройка, занимающаяся сбором сведений и отсылкой докладов в ВЧК. В феврале 1922 г. Симбирская губернская чрезвычайная комиссия была упразднена, а взамен нее организовано ГПУ.

Во втором параграфе **«Формирование судебных органов и комиссии по борьбе с дезертирством»** рассматривается процесс их организации и трансформации, а также осуществления следственно-судебных мероприятий, отражены изменения в структуре и подсудности Симбирского губревтрибунала в течение 1918–1922 гг., а также изложен порядок судопроизводства.

В Симбирской губернии, в центре и в уездах, в первые годы советской власти на краткосрочной основе формировались чрезвычайные структуры – ревкомы, заменившие исполнительный комитет. Так, деятельность ревкомов, образованных в Алатырском, Сызранском и Ардатовском уездах позволила быстро подавить вспыхнувшие крестьянские мятежи.

Весной 1918 г. в Симбирской губернии окончательно завершился процесс формирования ревтрибуналов в центре, уездах и волостях. Однако, к лету 1918 г. согласно законодательному акту от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах», уездные учреждения были ликвидированы. В связи с захватом Симбирска воинскими подразделениями КОМУЧа 22 июля 1918 г., ревтрибуналы были вынуждены уйти в северные уезды губернии. В сентябре 1918 г. после восстановления советской власти, в Симбирск был перевезен губревтрибунал.

В Симбирской губернии, наряду с созданием гражданских ревтрибуналов, были сформированы и военные: армейский трибунал при 24-й Самаро-Ульяновской железной стрелковой дивизии, при Симбирской и Инзенской дивизиях, Ардамовский военно-революционный чрезвычайный судебный орган и трибунал Запасной армии. Также на территории Симбирской губернии действовали выездные сессии железнодорожного реввоен трибунала Московско-Казанской и Сызрано-Вяземской ж/д и транспортного трибунала Волжского бассейна.

В процессе становления Симбирского губревтрибунала прослеживалась тенденция усиления конфронтации с ГубЧК по вопросу проведения следственных мероприятий. Окончательно проблема была решена после осуществления слияния следственных комиссий ЧК и трибунала в марте 1920 г. Для ликвидации крестьянских мятежей, обеспечения безопасности продотрядов, велось укрепление вооруженных коммунистических подразделений.

Расположение военных частей вблизи Симбирской губернии и быстрое распространение дезертирства, способствовало упрочнению статуса губернской комиссии по борьбе с дезертирством и ее уездных структур. Сформированная система ревтрибуналов постоянно подвергалась трансформациям, обусловленным нормативными актами и реальным положением дел в губернии. В 1920 г. подсудность Симбирского губревтрибунала была расширена за счет дезертирских дел, а в 1921 г. произошло слияние губернского и армейского трибунала в единую структуру. В январе 1923 г. Симбирский губревтрибунал был упразднен.

Таким образом, в 1918 – 1923 гг. в Симбирской губернии возникла система чрезвычайных структур, сформированных на временной основе и выполнявших разноплановые задачи для обеспечения сохранности пролетарской власти.

В третьем параграфе *«Кадровый состав чрезвычайных структур»* изучена специфика кадрового пополнения чрезвычайных органов Симбирской губернии, а также рассмотрено качество материального снабжения сотрудников.

Принимаемый на работу в чрезвычайную комиссию гражданин должен был состоять в партии большевиков или разделять ее революционные идеалы, обладать деловой хваткой, умением работать с коллективом и быть быстрообучаемым. Пополнение органов ВЧК осуществлялось за счет специалистов, направляемых партийными комитетами. Председателем ЧК и ее уездных структур

являлись исключительно коммунисты. Каждый из сотрудников Симбирской чрезвычайной комиссии получал необходимую для службы одежду и красноармейский паек, а имеющие острую нужду – специальные средства.

В 1918–1922 гг. к работе в чрезвычайной комиссии было привлечено большое количество партийных молодых граждан. Именно они составили основной костяк ЧК, при этом их наставниками стали опытные чекисты. Кадровая ситуация была нестабильна, потому что систематически переводили сотрудников на работу в другие структуры по распоряжению партии, а также мобилизовали. Однако, в Симбирской ГубЧК с 1918 по 1921 гг. число сотрудников возросло с 85 до 115 чел. В 1922 г. произошло резкое сокращение числа сотрудников до 98 чел., что фактически парализовало работу секретного отдела.

Пополнение кадрового состава Симбирского губревтрибунала имело свои присущие черты. На руководящие должности назначались образованные партийцы со стажем, а следователями зачастую были малограмотные граждане. Среди сотрудников преобладали крестьяне с начальным образованием. Средний возраст служащих ревтрибунала составлял 32 года.

В целом, при подборе сотрудников чрезвычайных органов, был учтен принцип единения опыта и молодости, что позволяло достигать постоянного роста профессиональных умений и качеств молодым коллегам, учившимся тонкостям работы у более опытных работников.

Вторая глава **«Основные направления деятельности чрезвычайных органов по реализации решений Советского руководства»** посвящена анализу форм, методов и оценки эффективности функционирования чрезвычайных органов в рамках выполнения решений государственной власти.

В первом параграфе **«Противодействие военному дезертирству»** рассматриваются причины и способы дезертирства, его масштабы, а также показана система мер борьбы с данным явлением.

Прифронтовое положение Симбирской губернии и проводимая большевиками политика военного коммунизма привели к массовому дезертирству. В Симбирской губернии в 1919 г. было 24 596 дезертира, а в 1920 г. – 37 545. В рамках противодействия военному дезертирству в губернии организовывались кампании, применявшие административные, внесудебные и карательные меры: Комиссия по борьбе с дезертирством, военкоматы, ГубЧК, отряды ВОХР и бойцы Красной Армии.

В 1919 г. чрезвычайные органы при проведении кампаний по искоренению дезертирства применяли пропагандистские и карательные способы воздействия: расклейку воззваний, организацию спецсобраний, экспроприацию собственности и расстрел. В 1920 г., к комплексу данных мер добавилось проведение экспроприационных кампаний у граждан, подозреваемых в дезертирстве, а также их пособников. Всего за 1920 г. было осуществлено 1 952 конфискации, а за 1921 г. – 5 526.

Судопроизводство по делам дезертировавших граждан и их укрывателей осуществляли ревтрибуналы. При этом распространенной формой судопроизводства стали выездные сессии Симбирского губревтрибунала. Так, в сентябре – ноябре 1919 г. действовала сессия в Сенгилеевском уезде, в марте 1920 г. – в Сызранском. Подобные выездные сессии продолжали организовываться и в 1921 и 1922 гг. В Симбирском губернском ревтрибунале дела по дезертировавшим гражданам расследовались в ускоренном режиме, причем большинство обвиняемых по итогам заседания приговаривалось к отправке на фронт.

Таким образом, в Симбирской губернии чрезвычайные органы с целью противодействия дезертирству проводили спецоперации, подразумевавшие профилактические, пропагандистские, экспроприационные, карательные и иные способы воздействия на дезертиров и их сообщников.

Во втором параграфе *«Участие в охране общественного порядка»* проведено исследование роли чрезвычайных органов в противодействии правонарушений контрреволюционной, уголовной и должностной направленностей.

В Симбирской губернии объем контрреволюционных, уголовных и должностных правонарушений в оперативно-судебном направлении в 1918–1922 гг. постоянно возрастал. Борьба с контрреволюционными и должностными деяниями носила систематический характер. Итоговый вердикт, выносимый трибуналом, зависел от социального происхождения обвиняемого. Особое внимание уделялось должностным преступлениям, совершенным сотрудниками правоохранительных структур. Характер приговора в отношении обвиняемого сотрудника правоохранительных органов зачастую был достаточно мягким, если его деяние не угрожало интересам советской власти. Строгие приговоры выносились, как правило, работникам, занимавшим высокие посты в правоохранительных органах и обвиняемых в значительном превышении должностных полномочий.

В поле деятельности структур ВЧК в 1920–1922 гг. была включена борьба с бандформированиями. Данное деструктивное социальное явление в регионе получило особенно яркое развитие – бесчинствовали как в губернском центре, так и в уездах многочисленные бандформирования, возглавляемые Самсоновым, Ухачевым и другими уголовными элементами. С целью противодействия уголовной преступности, чекисты получили возможность проводить внесудебные расправы над членами банд по своему усмотрению.

Таким образом, чрезвычайные органы в Симбирской губернии были привлечены к противодействию правонарушениям уголовного и должностного характера. Симбирский губревтрибунал организовывал специальные выездные сессии, а чекисты участвовали в спецоперациях по поимке членов бандформирований и пресечении правонарушений на транспорте.

В третьем параграфе «*Реализация фискально-реквизиционных задач*» проанализированы методы, используемые чрезвычайными органами при осуществлении фискально-реквизиционной миссии, выявлены ключевые особенности судопроизводства Симбирского губревтрибунала по делам экономической и продовольственной направленности.

В Симбирской губернии большевики проводили кампании по изъятию зерна для нужд государства, сопровождавшиеся колоссальными нарушениями со стороны работников советских специализированных отрядов, что подогревало градус недовольства большей доли крестьян в различных населенных пунктах. Судопроизводством занимались ревтрибуналы, а ликвидация очагов недовольства со стороны крестьян была прерогативой ЧОН и ревкомов. В 1918–1919 гг. в делопроизводстве ревтрибуналов и ВЧК доля правонарушений в экономической сфере составляла в среднем – 11,5 % от общего количества дел. Следователи Симбирского губревтрибунала такие дела передавали в иные судебные структуры, а по завершённым делам граждане часто подлежали амнистии.

В 1920 г. в Симбирской губернии кампания по изъятию у крестьян продовольственных запасов приобрела огромный масштаб – формировались временные чрезвычайные органы, принципы деятельности которых носили военно-окупационный характер. В 1921–1923 гг. в судебной практике Симбирского ревтрибунала количество дел с экономическим подтекстом значительно возросло и составило около 37 % от общего количества. В отношении обвиняемых применялись штрафы и конфискации. В это время, в губернии с целью предотвращения расхищения зерна были организованы «летучие пятерки», взаимодействовавшие с бойцами ВОХР и Симбирской ГубЧК.

Таким образом, чрезвычайные органы, привлеченные к обеспечению осуществления работниками продотрядов фискальной и экспроприационной кампаний, использовали репрессивные способы воздействия на граждан, отказывающихся от выполнения продразверстки или же повинных в хищении зерна.

В третьей главе «**Борьба чрезвычайных правоохранительных органов с внутренней оппозицией**» рассмотрены основные направления карательной деятельности чрезвычайных правоохранительных органов в процессе противодействия антисоветской оппозиции.

Первый параграф «*Деятельность Симбирских карательных органов в первый год советской власти*» посвящен работе чрезвычайных органов как карательного института власти в губернии.

В Симбирской губернии чрезмерная реквизиция у крестьян послужила причиной начала массовых восстаний. В течение 1918 г. в губернии произошло 9 восстаний, которые были спешно подавлены при минимальном привлечении сотрудников ЧК и армейской силы. С целью исключения уровня недовольства среди крестьян

из-за проведения представителями бывших сословий контрреволюционной агитации, сотрудники Симбирской ГубЧК, осуществляли облавы и с помощью взаимодействия с партструктурами заносили данные граждан в специальный список, а в случае установления вины – передавали дело в трибунал.

По-настоящему массовым и таившим угрозу для советской власти стал Курмышский мятеж. Действия сотрудников чрезвычайных органов при подавлении мятежа отличались особой жестокостью и размахом, что было вызвано прежде всего необходимостью не только осуществить окончательную ликвидацию очага возмущения, но и провести профилактическую карательную кампанию по устрашению среди жителей, дабы пресечь повторения подобного сценария.

Таким образом, сотрудники чрезвычайных органов развернули политику массового террора, поводом которого стали восстания, участники которых подвергались внесудебной расправе.

Во втором параграфе «*Подавление крестьянской оппозиции в 1919–1922 гг.*» рассматриваются методы, применяемые чрезвычайными органами при ликвидации крестьянских восстаний или выступлений антисоветского характера, а также принципы судопроизводства и меры наказаний.

В Симбирской губернии в 1919–1920 гг. во время массовых крестьянских мятежей мероприятия чрезвычайных органов, направленные на устранение угрозы со стороны крестьян-мятежников, были разноплановыми. Крестьянские мятежи подавлялись по следующей схеме. Первоначально на территории вводилось военное положение и гражданские партийные структуры заменялись ревкомками, затем производилась вооруженная ликвидация контрреволюционных элементов, а после разбирались дела мятежников в ускоренном чрезвычайном судебном порядке. Крестьян судили местные ВРК и выездные сессии ревтрибуналов. Подавляющая часть вердиктов трибунала – амнистия. Амнистирование было вызвано острой нехваткой тюремных учреждений и нежеланием большевиков после ликвидации мятежей распалить градус недовольства крестьян.

В 1921–1922 гг. из-за разразившегося в Симбирской губернии голода, сотрудники чрезвычайных органов вынуждены были бороться с возникавшими на голодной почве преступлениями крестьян.

Таким образом, для ликвидации мятежей большевики привлекли как военную силу, так и отряды Симбирского губернского чрезвычайкома, которые действовали в отношении повстанцев с применением преимущественно насильственных мер в условиях революционного времени.

В третьем параграфе «*Антирелигиозная деятельность*» отражена эволюция форм протеста церковнослужителей и выявлены механизмы ослабления влияния РПЦ чрезвычайными органами в регионе.

В период с апреля по май 1918 г. гонения в отношении Симбирской епархии осуществлялись сотрудниками Симбирского чрезвычайного комитета и губревтрибунала, при этом репрессиям служители церкви подвергались не из-за их причастности к религии, а по причине совершения ими других представляющих угрозу деяний, таких как мятежи, контрреволюционная пропаганда, категорическое нежелание исполнять законодательный акт о конфискации ценностей из церквей. Фактически поводом для начала репрессий послужило косвенное признание представителями церкви власти в лице КОМУЧа летом 1918 г.

Осенью 1918 г. после восстановления советской власти в Симбирской губернии, большевики стали проводить антирелигиозный курс, реализуемый чрезвычайными органами. Основной задачей, поставленной перед сотрудниками данных структур с 1918 по 1922 гг. являлось нивелирование влияния служителей РПЦ на граждан, которое осуществлялось преимущественно путем вербовки лояльных к власти священников. Священнослужители, уличенные в протесте, подвергались суду Симбирского губревтрибунала. Значительную роль в антирелигиозной кампании сыграли сотрудники ГПУ, которые в декабре 1922 г. инициировали раскол Симбирской епархии РПЦ. В процессе реформирования церкви, граждане зачастую выражали поддержку священнослужителям.

Таким образом, стремясь преодолеть сопротивление духовенства, были активизированы военные и революционные трибуналы, которые в приоритетном порядке рассматривали дела об участии священнослужителей в оппозиционных выступлениях.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования. Процесс формирования чрезвычайных органов и последующие преобразования их структуры зависели от текущих реалий и социально-экономических особенностей Симбирской губернии. Причем положение этих органов постоянно укреплялось, а поле деятельности расширялось. В ходе исследования было установлено, что главная роль в кадровой работе чрезвычайных органов принадлежала партийным комитетам. Партийные организации преследовали свои политические интересы и за счет чекистов контролировали деятельность ключевых структур власти. Все эти моменты оказывали негативное влияние на будущую рабочую деятельность чрезвычайных органов.

Чрезвычайные органы Симбирской губернии явили собой незаменимый элемент системного механизма региональных властных структур, при помощи которого были выполнены поставленные ключевые задачи на экономическом, политическом и социальном направлениях. Способы деятельности чрезвычайных структур выглядели как комплекс управленческих, судебных и карательных прав, симбиоз которых внес весомый вклад в завершение на победной ноте для большевиков гражданской конфронтации и сохранения революционных достижений и главенствующей роли партии Ленина.

**Основные положения диссертационного исследования отражены
в следующих публикациях автора:**

Статьи, индексируемые в WEB of Science

1. **Чигрин, М. В.** Контрреволюционные преступления в судебной практике Симбирского губернского революционного трибунала в 1918–1920 годах / М. В. Чигрин, Р. А. Мухамедов, А. А. Никитин // Научный диалог. – № 5. – 2019. – С. 348–364 (1,85 п. л.).
2. **Chigrin, M. V.** Special purpose units in the Simbirsk – Ulyanovsk province and their activities during the years of Soviet power: formation and organizational and personnel problems / M. V. Chigrin, R. A. Mukhamedov, A. A. Nikitin, A. G. Pashkin // ESTUDIOS HISTORICOS. – CDHRPyB. – Año XII. – Julio. – 2020. – № 23. – ISSN: 1688-5317. – Uruguay. – Mode of access: <http://www.estudioshistoricos.org/23/eh2315.pdf> (1,85 п. л.)

*Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах,
рекомендованных ВАК при Минобрнауки России*

3. **Чигрин, М. В.** Должностные преступления сотрудников правоохранительных органов в 1918–1919 гг. (по материалам Симбирского губернского революционного трибунала) / М. В. Чигрин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20. – № 3–2. – С. 315–320 (0,7 п. л.).
4. **Чигрин, М. В.** Партийный контроль за деятельностью Симбирской губернской чрезвычайной комиссией / М. В. Чигрин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20. – № 3–1. – С. 73–77 (0,58 п. л.).
5. **Чигрин, М. В.** Судебная практика Симбирского губернского революционного трибунала по делам о должностных преступлениях в 1918–1919 гг. / М. В. Чигрин, Р. Р. Мухамедов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2018. – Т. 20. – № 3–2. – С. 309–314 (0,7 п. л.).

Статьи, опубликованные в прочих научных изданиях

6. **Чигрин, М. В.** Создание Симбирского губвоентрибунала и чрезвычайной комиссии / М. В. Чигрин, Л. Н. Мартынова // Симбирский историк: сб. науч. ст. – Вып. 4. – Ульяновск, 2017. – С. 86–89 (0,25 п. л.).
7. **Чигрин, М. В.** Социально-бытовое положение симбирян 1917 – 1921 гг. / М. В. Чигрин // История и культура Поволжья глазами молодых ученых России: сб. мат. науч.-практ. конф. – Ульяновск, 2017. – С. 136–142 (0,35 п. л.).
8. **Чигрин, М. В.** Становление системы революционных трибуналов в Советской России и образование Симбирского губернского революционного трибунала / М. В. Чигрин // Историческое образование: реалии и перспективы: мат. Междунар. ист. форума «Молодые ученые в реализации идеи «История для всех». – Казань, 2017. – С. 335–342 (0,41 п. л.).
9. **Чигрин, М. В.** Теоретические аспекты становления революционных трибуналов в Советской России и деятельность Симбирского губернского революционного трибунала / М. В. Чигрин // 1917 год в судьбах народов России: сб. мат. науч. сес. студ. и асп. всерос. науч.-практ. конф. – Т. 2. – Уфа, 2017. – С. 139–143 (0,29 п. л.).
10. **Чигрин, М. В.** Создание системы органов ВЧК в Советской России и образование ее чрезвычайных структур в Симбирской губернии в 1917–1918 гг. / М. В. Чигрин // Казанский вестник молодых ученых. – 2018. – Т. 2. – № 2 (5). – С. 9–14 (0,53 п. л.).

11. **Чигрин, М. В.** Состояние фабрично-заводской промышленности в Симбирской губернии в 1917–1921 гг. / М. В. Чигрин // Казанский вестник молодых ученых. – 2018. – Т. 2. – № 3 (6). – С. 86–92 (0,61 п. л.).
12. **Чигрин, М. В.** Советская политика в аграрной сфере в 1917–1922 гг. (на материалах Симбирской губернии) / М. В. Чигрин // Симбирский историк: сб. науч. ст. – Вып. 4. – Ульяновск: УлГПУ, 2018. – С. 168–173 (0,4 п. л.).
13. **Чигрин, М. В.** Процесс подготовки и реализации советским правительством аграрных преобразований в Симбирской губернии в 1917–1922 гг. / М. В. Чигрин, Д. Е. Ярков // Симбирский историк: сб. науч. ст. – Вып. 4. – Ульяновск, 2018. – С. 173–178 (0,4 п. л.).
14. **Чигрин, М. В.** Переход к НЭПУ в Симбирской губернии в период с 1921 – 1922 гг. / М. В. Чигрин, А. В. Лошаков // Симбирский историк: сб. науч. ст. – Вып. 4. – Ульяновск, 2018. – С. 208–211 (0,25 п. л.).
15. **Чигрин, М. В.** Организация и основные функции НКВД с 16 (29) ноября 1917 г. / М. В. Чигрин, П. В. Саблин // Симбирский историк: сб. науч. ст. – Вып. 4. – Ульяновск, 2018. – С. 220–224 (0,3 п. л.).
16. **Чигрин, М. В.** Борьба с должностными преступлениями работников правоохранительных органов в 1918–1919 гг. / М. В. Чигрин // История Поволжья сквозь призму истории России: мат. Всерос. науч. конф. – Т. 1. – Ульяновск, 2019. – С. 245–251 (0,4 п. л.).
17. **Чигрин, М. В.** Принудительный труд в пенитенциарной системе Симбирской губернии / М. В. Чигрин, А. А. Ильин // История Поволжья сквозь призму истории России: мат. Всерос. науч. конф. – Т. 1. – Ульяновск, 2019. – С. 53–57 (0,29 п. л.).
18. **Чигрин, М. В.** Рабочие волнения в Симбирской губернии: по материалам Симбирской губернской чрезвычайной комиссии (1920–1921 гг.) / М. В. Чигрин, Д. В. Штылев // Поволжский педагогический поиск. – 2019. – № 3. – С. 99–106 (0,5 п. л.).
19. **Чигрин, М. В.** Рост антисоветских настроений в сельской местности Симбирской губернии в 1920–1921 гг.: по оперативным сведениям, Симбирской губернской чрезвычайной комиссии / М. В. Чигрин, Р. А. Мухамедов, Д. В. Штылев // Поволжский педагогический поиск. – 2019. – № 3. – С. 106–113 (0,5 п. л.).
20. **Чигрин, М. В.** Социально-демографические характеристики населения Симбирской губернии в 1917–1921 гг. / М. В. Чигрин, И. А. Изотов // Актуальные вопросы этнографии и этногеографии: сб. ст. по мат. IV Всерос. студ. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород, 2019. – С. 36–40 (0,29 п. л.).
21. **Чигрин, М. В.** Части особого назначения: процесс формирования на территории Симбирской губернии в 1918–1922 гг. / М. В. Чигрин // Поволжский педагогический поиск. – 2019. – № 3. – С. 113–122 (0,65 п. л.).
22. **Чигрин, М. В.** Организация обучения военному делу в частях особого назначения Симбирской губернии в 1921–1923 гг. / М. В. Чигрин, И. А. Изотов // Актуальные проблемы аграрной науки: состояние и тенденции развития: сб. мат. национал. науч.-практ. конф. – Димитровград, 2019. – С. 34–37 (0,25 п. л.).

*Всего по теме диссертации опубликованы 22 статьи
общим объемом 12,35 п. л.*